

ПАМЯТЬЮ ХРАНИМЫ НА ВЕКА

Я никогда не видела своего отца. Он ушёл в 41-ом и не вернулся. Пропал без вести за месяц до того, как родилась его дочь, словно две капли воды, похожая на него, одарённая богом всеми его талантами и даже лёгкой картавинкой, которая останется с ней на всю жизнь. Не даст забыть отца и его дневник, обнаруженный совершенно случайно в сундуке среди папиных вещей, что хранила мама, ожидая своего мужа и не веря в его гибель. В раннем детстве я частенько брала в руки майки, рубашки, прикладывала к лицу, надеясь уловить папкин запах. Но пахло только нафталином... С ещё большим трепетом раскрывала тетрадку в коричневом дерматиновом переплёте. Знала, что читать чужие дневники нельзя, но руки так и тянулись к крышке заветного сундука. С замиранием сердца узнала о первой встрече отца с мамой, скромной, тихой девушкой Полиной. Оказалось, они вместе работали на шумном заводе, он – в лаборатории, она – телефонисткой на заводском коммутаторе. А ещё ниже – про пьянящий запах прибрежных трав, про поляну, усыпанную фиалками, вблизи нашей Пышмы, где они, молодые и весёлые, вдвоём...

Пока я не прочитала дневник, близких, тревожащих сердечко чувств у меня к отцу не возникало. У многих ребят из нашего класса отцы не вернулись домой. Погибли. Пропали без вести. Война. Но вдруг меня, пятилетнюю, начал тревожить один и тот же сон: начинающее розоветь предутреннее небо над нашим тихим уральским городком, железнодорожный перрон, моя молодая, красивая мама и платочек, зажатый в её руке. И я, в голубом платье в белый горошек, крепко ухватившаяся за мамин подол, а вдали – всё уменьшающаяся на глазах чёрная точка эшелона, который увозил папку на войну.

Никогда не забыть тот великий День Победы, когда, казалось, ликовал весь Сухой Лог: музыка, песни лились почти из каждого окна наших больших блочных домов. А моя мама в это время горько рыдала, уткнувшись в подушку, не обращая внимания на дочь, застывшую у порога. Хотя мне было всего три с половиной года, поняла: мама плачет из-за папы, которого убили проклятые фашисты.

И пошло, покатилося время. Помню, как в наш пятый «А» школы, которую мы с гордостью называли «Сталинской», в сопровождении директора

вошёл, прихрамывая, невысокий ростиком, рябоватый и, как показалось мне, довольно невзрачный человек. Мы встали, хлопая крышками стареньких, изрезанных перочинными ножичками парт, приветствуя вошедших. А человек, на которого никто бы не обратил внимания при встрече на улице, оказался капитаном Советской армии и, главное, командиром батальона, бойцы которого, рискуя жизнью, первыми водрузили над фашистским Рейхстагом Знамя Победы. Простой парень из глухой деревеньки Талица Сухоложского района. Фамилия капитана оказалась такой, какие часто встречались в нашем городе – Неустроев, какая-то бестолковая, совсем не геройская. Я смотрела на него ошарашено: вот ведь, оказываются, какие бывают герои! Ещё вчера они рисовались в моём воображении, как атланты, красивые, гордые красавцы мужчины. Как Валерий Чкалов или Алексей Маресьев! Но награды на груди капитана! И все боевые: ордена Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны, медали «За отвагу», «Взятие Берлина» и «За взятие Варшавы». И самая главная – орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Мы слушали Степана Андреевича, раскрыв рты, хотя говорил он тихо, слегка заикаясь, совсем не по-геройски. Вдруг улыбнулся, как мальчишка: « А знаете, ребята, задавайте лучше вы мне вопросы, а я буду на них отвечать». И тут же вскочил с места самый маленький ростиком в классе Вова Конюшевский и вытянулся по-солдатски:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Обращайтесь! – серьёзно, как взрослому, ответил капитан и с интересом взглянул на Вовку: у того были необычно огромные тёмно-карие глаза и такой курносый нос, про который невозможно было не сказать – «нос картошкой».

– А вы помните свой первый бой? Расскажите нам про него.

– Первый бой... – капитан длинно вздохнул, устремив свой взгляд в окно. Наверное, думал, как ему разговаривать с этими детьми, среди которых каждый второй потерял на фронте отца: как с несмышлёнышами или как с взрослыми людьми? И, наверное, выбрал второе:

– Это было под Москвой, зимой 41-го. Я тогда был старше вас всего на шесть годков, но мне, необстрелянному восемнадцатилетнему лейтенанту, по сути, мальчишке, пришлось командовать взводом. И рядом со мной были такие же, как и я, пацаны. Немцы пёрли на нас, как дикое зверьё. Но позади же была Москва, отступить было некуда, – на этих словах Вовка утвердительно кивнул головой, дескать, понятно, само собой. – Помню, бежал вперёд в сплошном дыму разрывов, огненный смрад обжигал горло, справа и слева от

меня падали люди. Тогда, в том бою я мало что понял: бежал, стрелял, в рукопашной заколол штыком немца, такого же, как и я, молодого парня. Никогда не забыть, с каким ужасом он смотрел в мои глаза, роняя автомат и захлёбываясь в крике: «Мутти!» Почему он не стрелял в меня – до сих пор не могу понять. Долго потом этот солдат снился мне ночами. В том бою я получил тяжёлое ранение: зазубренный осколок перебил мне два ребра и застрял в печени. Очнулся на пятые сутки в медсанбате.

Посыпались вопросы: сколько раз капитан был ранен, каким оружием он умеет пользоваться, сколько лично убил фашистов, как он со своими бойцами брал Рейхстаг? На все вопросы Степан Андреевич отвечал так, что мне казалось: это я сейчас там, на этой войне, это у меня перебиты рёбра, и это я стреляю по ненавистным фашистам. Наконец, насмелившись, как на уроке, подняла руку:

– Товарищ Герой Советского Союза! А Вы не встречали на войне моего папу, Соколова Василия? Он пропал без вести... И я никогда не видела его. Только лишь во сне.

Капитан ответил не сразу. Какое-то время он молчал, как бы вспоминая свои фронтовые встречи. Вот его рука машинально потянулась к портсигару, но, достав его и повертев в руках, снова положил в карман своей старой, военных лет, гимнастёрки. Потом вытянул перед собой изувеченную ногу:

– Подойди ко мне, дочка! – как непривычно было мне слышать слово «дочка» из уст мужчины. Поднялась, откинув крышку парты, на которой было вырезано «Гитлер капут!» и подошла к капитану. Он взял меня за плечи и посмотрел прямо в глаза: «Встречались мне за эти пять лет двое Соколовых. И оба Василия. А вот откуда они родом, не пришлось узнать: не до того было. Один погиб прямо у меня на глазах в сорок третьем. А второго, старшего лейтенанта (это было уже в Польше), забрали в разведку. Там готовилась какая-то важная войсковая операция, – Неустроев глубоко, прерывисто вздохнул. – Так вот этот Василий очень похож на тебя. Жди, дочка, вот закончит он важную для нашей страны работу и вернётся. И маме своей передай. Пусть тоже ждёт. Иди, садись, милая моя». Капитану Неустроеву тогда шёл всего тридцать второй год.

– А почему он нам не пишет? Ведь прошло уже девять лет после войны. Мама постоянно плачет... – я еле сдерживалась, чтобы не расплакаться самой.

– Нельзя ему. Работа у него такая. Секретная. Поняла? – он погладил мои косички. – И не плачь – ведь ты же дочь офицера! Иди, садись, детка.

Ребята смотрели на меня восхищённо: мой отец – разведчик, как Николай Кузнецов. Вот это да! Но почему Ольга Николаевна украдкой, стоя у

окна, белоснежным своим платочком вытирает слёзы? Помню, сердечко моё сжала тогда неясная тревога...

Когда ребята прощались с капитаном во дворе школы, я смотрела на капитана уже совершенно другими глазами: это был сильный, мужественный и красивый человек. В последний момент он отыскал меня взглядом и подмигнул: держись, дескать, дочка! В ту же секунду случилось неожиданное: моя рука сама собой поднялась и я отдала капитану пионерский салют. Удивительно, но никто не засмеялся надо мной ни в тот момент, ни в последующем, и почему-то вдруг после этого дня меня перестали обзывать «свёклой» за вечно розовые щёки, что всегда меня обижало.

Мама всю жизнь будет ждать своего Василия: вдруг когда-то наступит день, и он, постаревший, пусть даже слепой, без руки или ноги, но все равно узнаваемый и родной, переступит через порог. Она ушла из жизни в 57 лет, в первый же год, как наша семья оказалась в Красноярске, вдали от своей малой родины, от милого сердцу Сухоложья. Ушла тихо, так, как прожила всю свою жизнь, отдавая её целиком своей дочери, не вынося своих чувств и обид на люди, не перекладывая ни на кого свои заботы, не прося ни от кого помощи, надеясь только на себя. В последнюю минуту уходящей жизни она вдруг неожиданно широко раскрыла глаза и устремила взгляд куда-то вверх. Я, согревая ладонями мамино лицо, вдруг увидела в её исстрадавшихся от мучительной боли глазах что-то похожее на изумление. Показалось, она что-то прошептала через силу. «Мамочка, что? Что? Что ты сказала?» – приложила ухо к её губам: мне так хотелось услышать последние слова самого дорогого человека на Земле.

– Ва... Вася... – мать попыталась поднять руку по направлению своего угасающего взгляда, но... последний глубокий, на удивление, спокойный вздох – и всё...

До сих пор раздумываю: что это было – галлюцинация? Или, действительно, там, в другом мире, всё-таки есть жизнь, о которой каждый узнает только тогда, когда придёт его час? Иногда я вижу сны: чистое, без единого облачка небо, свежая зелень луга с такими же, как на Урале, фиалками, а вокруг – цветущие яблони. И посреди этой райской красоты – моя мама. И всегда не одна: рядом с нею мужчина, не знакомый мне, совсем не похожий на отца с портрета, что висит над моей кроватью. Смотрю на себя в зеркало: но ведь я тоже не та, что прежде: годы сделали своё дело. И это вселяет надежду...